Сравнительная политика, Том 15, No 3, сс. 141–164
DOI 10.46272/2221-3279-2024-3-15-7

ПРЕПЯТСТВИЯ К МАКРОСЕКЬЮРИТИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ: КЕЙСЫ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Евгений УЧАЕВ, Артем КВАРТАЛЬНОВ
МГИМО МИД России

Аннотация: Несмотря на множество и многообразие попыток макросекьюритизации ядерного оружия и изменения климата, к настоящему моменту ни одна из них не была успешной. Существующие исследования не дают убедительного ответа на вопрос о причинах неудачных секьюритизаций, что связано как с общим недостатком внимания к подобным кейсам, так и с разрозненным, *ad hoc* характером предлагавшихся объяснений. Вместе с тем до сих пор не уделялось внимание тому, что процессы секьюритизации, подразумевающие суждения о потенциальной конечности существования объектов во времени, неотъемлемо связаны с определенными темпоральными представлениями. Попытки макросекьюритизации ядерного оружия и изменения климата, провозглашая потенциальную конечность существования человечества, вступают в конфликт с основополагающими темпоральными представлениями Модерна, утверждающими бесконечность времени человечества. Они также оказываются несовместимы с социальной структурой системы суверенных государств, для которой бесконечная темпоральность Модерна выступает идейным условием возможности. Как следствие, попытки макросекьюритизации, с одной стороны, оказываются попытками делегитимации и институциональной трансформации системы суверенных государств. С другой стороны, социальная структура этой системы подталкивает действующих в ней акторов «этернализовать» глобальные угрозы, то есть интерпретировать ядерное оружие и изменение климата как совместимые с бесконечным существованием человечества. Действие этих механизмов иллюстрируется на примерах дискуссий по международному контролю над ядерным оружием во второй половине 1940-х гг. и по сотрудничеству в области климатической политики в 1987-1992 гг.

Евгений Иванович Учаев – преподаватель, аспирант, кафедра мировых политических процессов, МГИМО МИД России.
ORCID: 0000-0002-4359-4203. E-mail: eugeneuchaev@gmail.com
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Артем Александрович Квартальнов – магистр международных отношений, участник научного коллектива проекта «Темпоральное измерение международных отношений в контексте глобальных угроз ядерной войны и изменения климата», МГИМО МИД России.
ORCID: 0000-0002-5120-1641. E-mail: artem@kvartalnov.ru
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 07.10.2023 Принята к публикации: 12.12.2023

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект №22-28-01054 (https://rscf.ru/project/22-28-01054/).

Рассмотренные примеры показывают, что в рамках государствоцентричной международной структуры лица, принимающие решения, действительно оказываются склонны к «этернализации» ядерного оружия и изменения климата.

Ключевые слова: макросекьюритизация, глобальные угрозы, изменение климата, ядерное оружие, темпоральность, этернализация, система суверенных государств

«Человечество проводит непреднамеренный, неконтролируемый и глобальный по своему охвату эксперимент, окончательные последствия которого могут оказаться столь масштабными, что уступят только последствиям глобальной ядерной войны»[1], – так начиналось итоговое заявление международной конференции по проблеме изменения климата, состоявшейся в июне 1988 г. в Торонто. Как видно, вот уже более 30 лет изменение климата окружено алармистской риторикой, изображающей его как угрозу самому существованию человечества. В свою очередь, ядерное оружие (ЯО) аналогичные тревожные рассуждения сопровождают более чем в два раза дольше, с самого момента его создания. Федерация американских ученых прямо утверждала в 1946 г. в обращенном к широкой аудитории сборнике просветительских статей: «На кон поставлено выживание» (Federation of American (Atomic) Scientists, 1946: 79).

В логике одной из наиболее влиятельных современных теорий международной безопасности – теории секьюритизации – такого рода речевые акты являются «попытками секьюритизации» (англ. *"securitizing moves"*), которые «представляют что-то в качестве экзистенциальной угрозы определенному референтному объекту» (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998: 25). Если эти попытки приводят к принятию чрезвычайных мер по борьбе с угрозой, происходит успешная секьюритизация (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998: 25-26). Впрочем, как отмечают исследователи, в случае ядерного оружия и изменения климата многочисленные попытки секьюритизации успехом до сих пор не увенчались (Trombetta, 2023: 87; Ruzicka, 2019: 376; Allan, 2017: 817).

Действительно, о чрезвычайных мерах говорить не приходится. В сфере борьбы с изменением климата по-прежнему отсутствуют какие-либо механизмы контроля за исполнением странами взятых на себя обязательств и наблюдается хронический дефицит необходимого для «зеленой трансформации» финансирования[2]. В ядерной сфере продолжает последовательно

[1] *World Meteorological Organization* (1988) Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security. Toronto, Canada, June 27–30. P. 292. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/106359 (accessed 11 August 2024).

[2] См., например, Matthews & Wynes, 2022.

разрушаться архитектура двусторонних и многосторонних мер контроля над вооружениями[3]. Почему эти две угрозы, несмотря на множество и многообразие предпринимавшихся попыток, так сопротивляются секьюритизации?

В настоящей статье авторы пытаются ответить на этот вопрос, отталкиваясь от концептуального сопряжения процессов секьюритизации с темпоральными представлениями, то есть представлениями о природе времени и существовании объектов во времени. Эта связь обосновывается во втором разделе, а перед этим, в первом разделе, авторы на основе обзора литературы иллюстрируют недостаточность объяснений, предлагавшихся до сих пор в рамках теории секьюритизации. Третий и четвертый разделы иллюстрируют релевантность авторского концептуального аргумента для объяснения неудачи ранних попыток секьюритизации ядерного оружия и изменения климата. Заключительный раздел обобщает основные выводы исследования.

Секьюритизация: препятствия и способствующие условия

Родоначальники теории секьюритизации отмечали, что важной переменной, влияющей на вероятность успешной секьюритизации, выступает масштаб («уровень») претендующего на защиту референтного объекта. Чаще и проще успешные секьюритизации происходят на «среднем уровне», то есть в тех случаях, когда референтными объектами выступают государства, нации и иные крупные, но партикулярные коллективы; тогда как объекты индивидуального и системного (глобального) уровня секьюритизировать сложнее. Б. Бузан, О. Уэвер и Я. де Вильде объясняли это существованием на «среднем уровне» самоподдерживающегося межгруппового соперничества, которое способствует взаимному формированию сразу у нескольких коллективов как устойчивой «своей» идентичности, обеспечивающей легитимность притязаний группы на защиту, так и образа внешнего «врага», представляющего собой угрозу (Buzan, Wæver, de Wilde, 1998: 36-37).

Некоторое время спустя Б. Бузан и О. Уэвер частично пересмотрели собственные ранние тезисы и разработали концепцию «макросекьюритизации» для анализа секьюритизаций в отношении референтных объектов «выше среднего уровня», например, универсальных религий или идеологий (Buzan & Wæver, 2009: 257). Они признали, что подобные макросекьюритизации регулярно встречаются в истории: от противостояния времен крестовых походов, представлявшего собой взаимную макросекьюритизацию двумя универсальными религиями друг друга, до холодной войны (Buzan & Wæver, 2009:

[3] См., например, Арбатов, 2023: 22-24. Необходимо подчеркнуть, что в настоящей статье речь идет о секьюритизации *ядерного оружия самого по себе* как угрозы существованию – и человечества (в первую очередь), и отдельных стран. Использование ядерного оружия одним государством против другого, безусловно, секьюритизировано, однако здесь основной угрозой выступает другое государство и его агрессия, а ЯО – лишь одним из возможных инструментов реализации этой угрозы. Также секьюритизировано *распространение* ядерного оружия, о чем свидетельствует применение чрезвычайных мер в виде санкций СБ ООН, что, опять же, не равнозначно секьюритизации ЯО самого по себе (владение им «ядерной пятеркой» остается не секьюритизировано).

269-270) и «войны с террором» как самой успешной макросекьюритизации 2000-х гг. (Buzan & Wæver, 2009: 272-274). Однако они отмечали, что попытки макросекьюритизации ядерного оружия и изменения климата сталкиваются с бóльшими трудностями (Buzan & Wæver, 2009: 270-272).

Б. Бузан и О. Уэвер также утверждали, что макросекьюритизация всегда происходит в рамках определенного универсалистского дискурса, и выделяли четыре типа таких дискурсов: «инклюзивный универсализм» (идеологии / религии, претендующие на охват всех людей); «эксклюзивный универсализм» (идеологии / религии, легитимирующие мировое доминирование одной группы людей над всеми другими); «универсализм существующего порядка» (приверженность первичным институтам современного глобального международного общества); «универсализм физической угрозы» (противостояние физическим угрозам выживанию всего человечества) (Buzan & Wæver, 2009: 260-261). Нетрудно заметить, что и ядерное оружие, и изменение климата относятся к последнему типу – «универсализму физической угрозы», тогда как приведенные выше примеры успешных макросекьюритизаций связаны с первыми тремя типами. Таким образом, вопрос о причинах неудач секьюритизации ЯО и климата можно переформулировать следующим образом: почему из всех типов макросекьюритизаций наименее успешными оказываются те, что связаны с «универсализмом физической угрозы»?

Существующие работы систематического ответа на этот вопрос не дают. Авторам не известно о каких-либо исследованиях сравнительной успешности разных типов макросекьюритизаций, а предложенная Б. Бузаном и О. Уэвером типология универсалистских дискурсов почти не получила распространения[4]. Родоначальники теории изначально предполагали, что на успешность секьюритизации влияют: а) согласие «аудитории» (англ. *"audience"*); б) «способствующие условия», в первую очередь, социальный капитал актора секьюритизации, его легитимность и характеристики самой угрозы; в) степень институционализации[5] (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998: 25-33). Дальнейшие исследования рассматривали преимущественно влияние этих факторов, попутно добавив еще более широкую категорию «контекста», понимаемого как совокупность социальных и даже экологических условий, в которых осуществляется попытка секьюритизации (Balzacq, Léonard & Ruzicka, 2016: 499-504).

[4] Поиск в Google Scholar по фразе *"physical threat universalism"* дает всего 14 (!) результатов (по состоянию на 5 декабря 2023 года), большинство из которых – магистерские и кандидатские диссертации.

[5] Хотя Б. Бузан с соавторами и не относили институционализацию напрямую к «способствующим условиям», они тем не менее отмечали: «Одна из трудностей, с которыми сталкиваются попытки секьюритизации экологических проблем, заключается в том, что эти угрозы новые (или недавно открытые), а их экзистенциальная срочность является предметом споров. Как следствие, сторонники таких секьюритизаций (пока) *не располагают соответствующими институтами и вынуждены действовать в политическом контексте, где доминируют институты безопасности, созданные для противодействия другим видам угроз [курсив Е.У и А.К.]»* (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998: 29).

Категория «аудитории», однако, оказалась крайне проблематичной для анализа, и четкие критерии согласия аудитории с попыткой секьюритизации до сих пор не были предложены (Balzacq, Léonard & Ruzicka, 2016: 499-500). Учитывая, что макросекьюритизация подразумевает референтные объекты более масштабные, чем отдельное государство, возникает предположение, что в данном случае величина и гетерогенность аудитории выступают сдерживающими факторами. Вместе с тем это не объясняет различия в успешности разных типов макросекьюритизаций.

Объяснение через социальный капитал актора в рассматриваемых случаях также не является убедительным, поскольку попытки макросекьюритизации ядерного оружия и изменения климата предпринимались различными акторами: от транснационального научного сообщества (Allan, 2017; Adler, 1992) и гражданского общества (Михайленко, 2022) до официальных представителей и лидеров государств (Arias, 2022; Dupont, 2019). Что касается характеристик угрозы, еще родоначальники теории в качестве одной из причин отсутствия секьюритизации экологических проблем отмечали их «удаленность во времени» (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998: 82-83). Однако дискурс безопасности всегда «имеет дело с будущим, альтернативными сценариями будущего, часто гипотетическими» (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998: 32), поскольку все угрозы в какой-то степени «удалены во времени». Почему именно в случае экологических угроз этот фактор становится препятствием – не проясняется. Кроме того, объяснение через «удаленность» еще менее применимо к ядерному оружию, использование которого может привести к катастрофическим последствиям за считанные минуты.

Наличие или отсутствие институционализации само по себе также не является достаточным объяснением. Хотя угрозы, для борьбы с которыми нет существующих институтов, действительно труднее секьюритизировать, это все равно не объясняет, почему в одних случаях создаются новые институты[6], а в других — нет. Наконец, категория «контекста» преимущественно привлекается для общего аргумента, что успешность секьюритизации зависит не только от внутренних свойств речевого акта, но и от внешних ему социальных условий, не способствуя теоретизации каких-либо конкретных факторов и их влияния (Balzacq, Léonard & Ruzicka, 2016: 502-504).

Как отмечает Я. Ружичка, недостаточная концептуальная проработка переменных, влияющих на успех или неудачу попытки секьюритизации, во многом связана с общим дисбалансом в сторону изучения случаев успешных секьюритизаций (Ruzicka, 2019). Он уходит корнями в основополагающую работу Б. Бузана, О. Уэвера и Я. де Вильде, которые утверждали, что «основным предметом интереса исследований безопасности являются случаи успешной секьюритизации <...> потому что именно они формируют актуальное в данный момент конкретное понимание безопасности» (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998: 39).

[6] Например, при секьюритизации миграции в Европейском Союзе (Neal, 2009).

Такое понимание задач теории секьюритизации привело к концентрации на описательных и онтологических вопросах в ущерб причинно-следственным. В результате после 30 лет исследований теория секьюритизации может рассказать, что такое безопасность, как проблемы переводятся в сферу безопасности и к каким последствиям это приводит, однако наше знание о том, почему одни проблемы секьюритизируются, тогда как другие – нет, по-прежнему остается фрагментарным (Ruzicka, 2019: 371-372).

В лучшем случае фрагментарными оказываются и исследования конкретных кейсов неудачных попыток секьюритизации. Как показывает свежий обзор публикаций по секьюритизации в 15 ведущих англоязычных журналах по международным отношениям за 1995-2020 гг., статей с явным эмпирическим фокусом на попытках секьюритизации ядерного оружия нет в принципе[7], тогда как работ по климату более чем в два раза меньше, чем по миграции или здравоохранению (Baele & Jalea, 2023: 381).

Некоторые исследования секьюритизации изменения климата фокусируются только на дискурсе, не затрагивая вопрос принятия или непринятия чрезвычайных мер[8]. В свою очередь, те исследования, в которых этот вопрос затрагивается, преимущественно прибегают к рассмотренным выше общим объяснениям. Так, аргумент ряда авторов о том, что климат воспринимается не как «угроза», а как «риск», стимулируя тем самым управление и риск-менеджмент вместо чрезвычайных мер (Trombetta, 2023: 87-89; Corry, 2012; Trombetta, 2008), по сути, развивает упоминавшуюся выше логику «удаленности» угрозы. М. МакДональд, разбирая причины провала попытки секьюритизации изменения климата в Австралии, указывает на совокупность контекстуальных факторов, в частности, на конкуренцию с альтернативными секьюритизациями (McDonald, 2012: 589-591). С. Скотт, рассматривая институциональную сторону вопроса, отмечает, что секьюритизация климатических проблем логически подразумевает усиление роли СБ ООН, что требует согласия постоянных членов, которого пока не наблюдается (Scott, 2008: 615-617; см. также Sakamoto, 2023: 14). Таким образом, предлагавшиеся объяснения действительно оказываются весьма разрозненными и не складываются в какую-либо общую схему.

Не претендуя на создание такого рода общей схемы или всеохватной причинно-следственной модели секьюритизации, авторы настоящей статьи тем не менее стремятся сделать шаг в этом направлении посредством более глубокого осмысления одного из основных понятий теории – понятия «экзистенциальная угроза».

---

[7] Авторам известно об одной статье, анализирующей секьюритизацию распространения ЯО (см. Hayes, 2009). Если не ограничиваться рассматриваемой в обзоре выборкой из 15 ведущих журналов, обнаруживаются еще несколько статей по секьюритизации распространения (см., например, Торопчин, 2021; Hanau Santini, 2010), но по-прежнему ни одного исследования попыток секьюритизации ЯО самого по себе.

[8] См., например, Vogler, 2023; Arias, 2022.

Понятие «экзистенциальной угрозы» и темпоральное измерение макросекьюритизации

В отличие от ряда других основных концептов теории секьюритизации (к примеру, «аудитории» или «речевого акта»), понятие «экзистенциальной угрозы» не становилось предметом особого рассмотрения. Так, Б. Бузан, О. Уэвер и Я. де Вильде лишь замечали, что конкретное содержание «экзистенциальной угрозы» будет варьироваться в зависимости от угрожаемого референтного объекта (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998: 21-22). При этом общий смысл «экзистенциального» – угрожающий выживанию, самому существованию – будто бы весьма прозрачен и не нуждается в дополнительных пояснениях.

Заметим, однако, что дискурс экзистенциальной угрозы всегда опирается на определенные представления о характере существования объектов во времени, иначе говоря, темпоральные представления. Могут быть секьюритизированы только те объекты, которые осмысляются (и актором секьюритизации, и аудиторией) как потенциально конечные во времени. Напротив, объекты, существование которых воспринимается как неограниченное во времени, безусловное, логически не могут стать подходящими референтными объектами в процессах секьюритизации. Это замечание может показаться банальным и лишенным аналитической «добавленной стоимости», поскольку подавляющее большинство объектов являются потенциально конечными, но оно релевантно для рассматриваемого случая макросекьюритизаций на основе «универсализма физической угрозы».

Напомним, в рамках подобных макросекьюритизаций референтным объектом выступает все человечество (Buzan & Wæver, 2009: 261). Между тем неоднократно отмечалось, что в Новое время, после упадка эсхатологического мировоззрения Средневековья, общий горизонт существования человечества начинает восприниматься как безграничный, бесконечный (Latour, 2017: 184-219; Хабермас, 2008: 10-16). Следовательно, секьюритизация ядерного оружия или изменения климата – и шире, любая макросекьюритизация в рамках «универсализма физической угрозы» – требует пересмотра основополагающих темпоральных представлений Модерна.

В свою очередь, основополагающие идеи эпохи существуют не сами по себе, но во взаимосвязи с основными социальными структурами этого периода: идеи делают возможными и легитимируют институты, которые, в свою очередь, воспроизводят эти идеи (Дуглас, 2020). Применительно к бесконечной темпоральности Модерна такой соответствующей ей социальной структурой оказывается система суверенных государств. Представления о бесконечности времени человечества служат идейным условием возможности системы суверенных государств, поскольку любой образ «конца времен» функционирует как источник общей судьбы и коллективной идентичности, делегитимируя тем самым суверенное обособление. Более того, система суверенных государств способствует воспроизводству бесконечной темпоральности,

подталкивая действующих в ее рамках акторов к такому восприятию времени (Учаев & Квартальнов, 2022: 121-123). Отсюда логически выводятся два следствия:

во-первых, макросекьюритизация ядерного оружия и изменения климата, будучи сопряженной с трансформацией бесконечной темпоральности в конечную, подразумевает делегитимацию системы суверенных государств и ее институциональную трансформацию;

во-вторых, действующие в рамках системы суверенных государств акторы будут склонны интерпретировать ядерное оружие и изменение климата таким образом, чтобы эти феномены стали совместимы с бесконечной темпоральностью. Подобную интерпретацию авторы настоящей статьи предлагают называть «этернализацией». Стоит отметить, что ряд недавних исследований действительно фиксирует существование такого рода процессов: и ядерное оружие (Pelopidas, 2021; Burke, 2016), и изменение климата (Hanusch & Meisch, 2022) широко осмысляются как способные вечно сосуществовать с человечеством, что размывает их восприятие как экзистенциальной угрозы.

Первое из упомянутых следствий может показаться не более чем альтернативным способом сформулировать уже привычный для теории международных отношений тезис о неспособности находящихся в состоянии анархии суверенных государств справляться с глобальными вызовами[9]. Частично так и есть, однако наш подход делает акцент именно на мировоззренческой несовместимости: «универсализм физической угрозы» просто не оставляет концептуальных ресурсов для легитимации государственного суверенитета. Казалось бы, это должно, напротив, облегчать макросекьюритизацию. Однако сделать такой вывод означало бы проигнорировать второе упомянутое следствие.

Как неоднократно подчеркивали теоретики конструктивизма, влияние материальных феноменов на социальные отношения опосредуется их восприятием, теми смыслами, которыми их наделяют люди (Wendt, 1995). Большинство материальных объектов допускают несколько интерпретаций. Это особенно справедливо в отношении таких феноменов, как ядерное оружие и изменение климата, ожидаемые последствия которых «конструируются» в результате сложных научных расчетов и характеризуются высокой степенью неопределенности. В системе суверенных государств акторы, прежде всего государственные деятели, изначально социализированные в этой среде и обладающие соответствующими идентичностями, будут склонны трактовать ядерное оружие и изменение климата через неэкзистенциальные интерпретации, совместимые с сохранением системы. Такая «этернализация» глобальных угроз и выступает одной из основных причин провала попыток их макросекьюритизации.

[9] См., например, один из классических путей обоснования данного тезиса – концепцию «трагедии общин» (Hardin, 1972).

В следующих двух разделах статьи показывается, как эти следствия проявлялись на ранних этапах международного взаимодействия по вопросам ядерного оружия и изменения климата. Под ранним этапом понимается период от вынесения проблемы на международную повестку до завершения (успехом либо неудачей) первой попытки создать международные механизмы борьбы с угрозой. В случае ядерного оружия этот период примерно соответствует второй половине 1940-х гг.: от его первого применения в 1945 г. до прекращения деятельности Комиссии ООН по атомной энергии в 1949 г., безрезультатно пытавшейся выработать механизмы международного контроля над ядерным оружием. Изменение климата как самостоятельная проблема, отличная от прочих экологических вопросов, закрепилась в международной повестке после Торонтской конференции 1988 г. (Allan, 2017). Первый международный механизм борьбы с изменением климата был создан на «Саммите Земли» 1992 г. с принятием соответствующей Рамочной конвенции ООН (Макаров & Шуранова, 2023: 53). В исследовании также рассматривается знаменитый доклад Комиссии Брунтланн 1987 г. «Наше общее будущее», поскольку он во многом обусловливал контекст работы Торонтской конференции 1988 г.[10].

Дискуссии по проблеме международного контроля над ядерным оружием во второй половине 1940-х гг.

Интерпретация ядерного оружия как глобальной экзистенциальной угрозы возникла еще до первого успешного испытания. В так называемом «докладе Франка» от 12 июня 1945 г., направленном группой ученых – участников Манхэттенского проекта военному министру США Генри Стимсону, утверждалось, что ядерное оружие представляет «серьезную угрозу для безопасности нашей страны, а также *для будущего всех прочих стран* [курсив Е.У. и А.К.]», поскольку его дальнейшее развитие в отсутствие международных механизмов контроля «неизбежно приведет к тотальному взаимному уничтожению»[11]. В статье из уже упоминавшегося во введении просветительского сборника начала 1946 г. американский физик Гарольд Юри писал: «Мировая война с применением атомного оружия вполне может до такой степени ослабить все наши страны и народы, что *в будущем они не смогут выжить* [курсив Е.У. и А.К.]» (Urey, 1946: 58).

Эта интерпретация нашла отражение в политическом процессе – от выработки первых предложений по международному контролю над ЯО в США до обсуждения в ООН. В «докладе Ачесона-Лилиенталя» (март 1946 г.),

[10] Это хорошо видно по материалам конференции: ссылки на доклад, его выводы и рекомендации присутствуют во многих выступлениях. См.: *World Meteorological Organization* (1988) Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security. Toronto, Canada, June 27–30. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/106359 (accessed 11 August 2024).

[11] Franck J. et al. (1945) *Report of the Committee on Political and Social Problems (The Franck Report). Manhattan Project "Metallurgical Laboratory",* University of Chicago. 11 June. Available at: https://www.atomicarchive.com/resources/documents/manhattan-project/franck-report.html (accessed 11 August 2024).

который формулировал основы американской позиции по международному контролю, использовалась относительно обтекаемая формулировка «революционное возрастание разрушительной мощи» вследствие создания ядерного оружия[12]. Однако уже в июне 1946 г., при изложении американского плана международного контроля в Комиссии ООН по атомной энергии, представитель США Бернард Барух был более прямолинеен: «Мы должны выбирать между миром во всем мире и *разрушением всего мира* [курсив Е.У. и А.К.]»[13]. В преамбуле резолюции Генеральной Ассамблеи ООН №299 (IV) от 23 ноября 1949 г. подчеркивалось, что «атомная энергия <...> будучи обращена на военные цели, *может повлечь за собой гибель цивилизации* [курсив Е.У. и А.К.]»[14].

Приведенные источники ясно показывают, как экзистенциальная интерпретация ядерного оружия неизбежно делегитимировала систему суверенных государств, порождая проекты ее трансформации. В «докладе Франка» отмечалось: «Защиту [от разрушительного использования ядерной энергии] может обеспечить только политическая организация мира. Из всех аргументов в пользу создания эффективной международной организации для поддержания мира, существование ядерного оружия является наиболее убедительным»[15]. Альберт Эйнштейн в своей статье в сборнике 1946 г. утверждал, что только создание «наднациональной организации, обладающей подконтрольной исключительно ей военной силой» может гарантировать, что «мы не растворимся в атмосфере, не распадемся на атомы» (Einstein, 1946: 76). Бернард Барух заявлял, что народы, осознавшие опасности ядерной эпохи, «не желают, чтобы их водили за нос разговорами об узко понятом суверенитете»[16], а представленный им план предлагал создание системы международного контроля с инструментами эффективного наказания нарушителей без права вето (Baratta, 1985). Резолюция ГА ООН №299 (IV) рекомендовала, чтобы «все нации, при пользовании своими суверенными правами, присоединились к взаимному соглашению ограничить осуществление этих прав в отношении контроля над атомной энергией»[17].

---

[12] Barnard C. et al. (1946) *The Acheson-Lilienthal Report on the International Control of Atomic Energy.* Washington, D. C. 16 March. P. 9. Available at: https://fissilematerials.org/library/ach46.pdf (accessed 11 August 2024).

[13] The Baruch Plan: Statement by the United States Representative (Baruch) to the United Nations Atomic Energy Commission, June 14, 1946. In: *Documents on Disarmament, 1945-1959. Volume 1: 1945-1956.* Washington, D.C.: Department of State Publication 7008, August 1960. P. 8. Available at: https://disarmament.unoda.org/publications/documents-on-disarmament/1945-1956-dod/ (accessed 11 August 2024).

[14] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/299(IV) «Международный контроль над атомной энергией», 23 ноября 1949 г. Available at: https://undocs.org/ru/A/RES/299(IV) (дата обращения: 11.08.2024).

[15] Franck J. et al. (1945) Report of the Committee on Political and Social Problems (The Franck Report). Manhattan Project "Metallurgical Laboratory", University of Chicago. 11 June. Available at: https://www.atomicarchive.com/resources/documents/manhattan-project/franck-report.html (accessed 11 August 2024).

[16] The Baruch Plan: Statement by the United States Representative (Baruch) to the United Nations Atomic Energy Commission, June 14, 1946. In: *Documents on Disarmament, 1945-1959. Volume 1: 1945-1956.* Washington, D.C.: Department of State Publication 7008, August 1960. P. 9. Available at: https://disarmament.unoda.org/publications/documents-on-disarmament/1945-1956-dod/ (accessed 11 August 2024).

[17] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/299(IV) «Международный контроль над атомной энергией», 23 ноября 1949 г. Available at: https://undocs.org/ru/A/RES/299(IV) (дата обращения: 11.08.2024).

Особенно наглядное свидетельство взаимосвязи между экзистенциальной интерпретацией ядерного оружия и делегитимацией системы суверенных государств можно обнаружить в выступлении французского представителя в ГА ООН в ходе обсуждения вышеупомянутой резолюции №299. Он отмечал, что, когда вопрос стоит как «переживет ли цивилизация атомную войну», необходимы «частичные жертвы собственным суверенитетом, поскольку необходимо выбирать меньшее из двух зол», так как «в области атомной энергии эта [подразумеваемая понятием суверенитета] абсолютная свобода несовместима с современными требованиями безопасности»[18].

«План Баруха», однако, предполагал отказ США от уже имеющихся ядерных бомб лишь после создания полноценной системы международного контроля, на что не мог согласиться СССР. Советское предложение, в свою очередь, заключалось в немедленном принятии конвенции о запрещении ядерного оружия, а выстраиваемую параллельно систему международного контроля предлагалось подчинить СБ ООН, что означало сохранение права вето. С этим не были согласны уже США. В условиях нехватки доверия и взаимных подозрений в агрессивных намерениях уже в 1947 г. переговоры в целом зашли в тупик (Тимербаев, 2003: 69-116). В контексте настоящей статьи основной интерес представляют сопутствовавшие эволюции переговорного процесса интерпретации ядерного оружия.

Как и можно было ожидать, экзистенциальная интерпретация не была единственной. В частности, насколько можно судить по имеющимся свидетельствам, руководство СССР в рассматриваемый период ее не придерживалось. В опубликованных осенью 1946 г. в газете «Большевик» ответах И.В. Сталина на вопросы корреспондента британской газеты «Санди Таймс» отмечалось: «Я не считаю атомную бомбу такой серьезной силой, какой склонны ее считать некоторые политические деятели. Атомные бомбы *предназначены для устрашения слабонервных, но они не могут решать судьбы войны,* так как для этого совершенно недостаточно атомных бомб [курсив Е.У. и А.К.]»[19].

В выступлениях советских представителей в ООН ядерное оружие описывалось как угрожающее массовой гибелью мирного населения и масштабным разрушением городов – но не всего человечества – и потому требующее запрещения по моральным основаниям, как негуманное оружие агрессии,

[18] Отчет о пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (A/PV.253). Четвертая сессия, двести пятьдесят третье пленарное заседание, 23 ноября 1949 года. С. 411-412. Available at: https://undocs.org/A/PV.253 (дата обращения: 11.08.2024).

[19] Сталин И.В. (1946) Ответы на вопросы, заданные московским корреспондентом «Санди Таймс» господином А. Вертом, полученные 17 сентября 1946 года. *Большевик*, №17-18. Available at: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t16/t16_09.htm (дата обращения: 11.08.2024).

нарушающее общепризнанные правила ведения войны[20]. Наиболее наглядно эта разница интерпретаций проявилась в ходе дискуссий вокруг упомянутой ранее резолюции ГА ООН №299: советская делегация предлагала заменить экзистенциальную формулировку «может повлечь за собой гибель цивилизации» на более нейтральную «может привести к массовому уничтожению гражданского населения и мирных городов». Эта поправка была отклонена[21].

Показательно, что другая (тоже отклоненная) советская поправка к резолюции №299 предлагала исключить пункт об ограничении суверенных прав[22], а тема защиты суверенитета была основополагающей в выступлении советского представителя А.Я. Вышинского в ходе обсуждения документа. Он, в частности, утверждал: «...от государств теперь требуют, чтобы они пожертвовали тем, что им дороже всего, а именно своим суверенитетом и своей независимостью»[23], и подчеркивал, что это неприемлемо, поскольку «идея государственного суверенитета является серьезным препятствием осуществлению политики мирового господства»[24]. Таким образом, неэкзистенциальная интерпретация ядерного оружия сохраняла бесконечную темпоральность, что позволяло непротиворечиво отстаивать принцип государственного суверенитета.

Возможно, еще более показательный пример можно обнаружить в американском дискурсе – в статье эксперта по военной стратегии Бернарда Броди «Атомная бомба как фактор принятия политических решений» (Brodie, 1948), опубликованной осенью 1948 г., когда переговоры в рамках Комиссии ООН по атомной энергии уже некоторое время как зашли в тупик. Б. Броди начинает, казалось бы, с экзистенциальной интерпретации: «человек дал себе средства самоуничтожения» (Brodie, 1948: 17), однако затем сталкивает ее с политической реальностью того времени, в которой противостояние не доверяющих друг другу великих держав делает маловероятным достижение международного контроля над атомной энергией (Brodie, 1948: 17-19). Далее следует ключевой аргумент, обеспечивающий переход от экзистенциальной к неэкзистенциальной интерпретации ядерного оружия: «поскольку концентрация на этом ужасе [возможных последствиях ядерной войны] до сих пор не принесла никаких положительных результатов и едва ли обещает их

[20] См., например, Address by the Soviet Representative (Gromyko) to the United Nations Atomic Energy Commission, June 19, 1946. In: *Documents on Disarmament, 1945-1959. Volume 1: 1945-1956.* Washington, D.C.: Department of State Publication 7008, August 1960. P. 17-24. Available at: https://disarmament.unoda.org/publications/documents-on-disarmament/1945-1956-dod/ (accessed 11 August 2024). См. также выступление А.А. Громыко на заседании СБ ООН 5 марта 1947 г. (S/PV.115) и выступление А.Я. Вышинского на заседании ГА ООН 23 ноября 1949 года (A/PV.253).

[21] UN General Assembly. International Control of Atomic Energy. Report of the Ad Hoc Political Committee (A/1119), 19 November 1949. P. 3. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/1327920 (accessed 11 August 2024).

[22] Ibid.

[23] Отчет о пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (A/PV.253). Четвертая сессия, двести пятьдесят третье пленарное заседание, 23 ноября 1949 года. С. 409. Available at: https://undocs.org/A/PV.253 (дата обращения: 11.08.2024).

[24] Там же, с. 406-407.

в будущем, пришло время занять более трезвую позицию» (Brodie, 1948: 24). Как показывает дальнейшее рассуждение, эта «более трезвая позиция» заключалась для Б. Броди, в частности, в поиске путей поддержания ядерного превосходства США над противниками и в минимизации последствий потенциального ядерного удара по территории США. Иначе говоря, в наборе конкретных, осуществимых в одностороннем порядке мер, которые позволяли полноценно интегрировать атомную бомбу в национальную военную стратегию (Brodie, 1948: 25-32). Завершается статья следующей фразой: «Наша задача сейчас в том, чтобы выработать привычку жить с атомной бомбой, и сама непостижимость связанной с этим возможной катастрофы вполне может облегчить эту задачу» (Brodie, 1948: 33).

Статья Б. Броди представляет собой практически идеальную иллюстрацию процесса этернализации. Он зафиксировал, что «концентрация на этом ужасе», то есть интерпретация ядерного оружия как экзистенциальной угрозы, естественным образом привела к попытке установления международной системы контроля. Однако эта попытка натолкнулась на инерцию системы суверенных государств в виде порождаемого ею взаимного недоверия и межгосударственного соперничества. При этом, поскольку всеобщая ядерная катастрофа – это не самоочевидный и непосредственно данный факт, а мыслительный конструкт, трудно представимый прогноз развития событий, мышление – по крайней мере, мышление самого Броди – оказалось способно перестроиться на иные, «более трезвые», как он их назвал, интерпретации. Эти интерпретации, в отличие от экзистенциальной, породили сравнительно легко реализуемые в рамках системы суверенных государств практические рекомендации[25], что укрепляло их привлекательность.

Дискуссии по международному сотрудничеству в области климатической политики, 1987-1992 гг.

Осмысление проблемы изменения климата (и глобальных экологических проблем в целом) в конце 1980-х – начале 1990-х гг. также проходило под знаком экзистенциальной угрозы. В докладе Комиссии Брунтланн 1987 г. «Наше общее будущее» подчеркивалось, что наблюдаемые экологические тенденции «представляют собой угрозу жизни множества видов на планете, включая человечество»[26]. В одной только вводной главе доклада экологические проблемы пять раз обозначаются как проблемы непосредственно «выживания», в варьирующихся формулировках: человечества, планеты, мирового сообщества[27].

[25] В частности, позиция Б. Броди о необходимости активного обеспечения США своего ядерного превосходства нашла отражение в знаменитой директиве СНБ-68 и решениях президента Г. Трумана о расширении производства ядерных материалов (Bundy, 1990: 229-231).

[26] *World Commission on Environment and Development* (1987) Our Common Future (The Brundtland Report). New York, August 4. P. 19. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/139811 (accessed 11 August 2024).

[27] Ibid, pp. 18, 24, 35, 37, 38.

Если мандат Комиссии охватывал весь спектр экологических проблем, то в итоговом заявлении Торонтской конференции 1988 г. по проблемам меняющейся атмосферы аналогичный фрейминг получила уже конкретно проблема климатических изменений. Отмечалось, что их «окончательные последствия могут оказаться столь масштабными, что уступят только последствиям глобальной ядерной войны»[28]. Различные формулировки, указывающие, что проблема связана непосредственно с «выживанием» человечества и планеты, присутствовали как в итоговом заявлении, так и в ряде речей на открытии и закрытии конференции[29]. Риторика экзистенциальной угрозы в полной мере сохранилась и на «Саммите Земли» 1992 г., прошедшем в Рио-де-Жанейро, причем как в открывающих и закрывающих речах[30], так и в выступлениях глав государств и правительств в ходе сегмента высокого уровня[31].

Из такого осмысления угрозы логично следовал призыв к качественной реформе системы международного сотрудничества. В докладе Комиссии Брунтланн отмечалось, что переориентация на модель устойчивого развития «выходит за пределы возможностей существующих структур принятия решений и институтов – как национальных, так и международных»[32]. В итоговом заявлении конференции 1988 г. подчеркивалась необходимость «координированных международных усилий и всеобъемлющего международного соглашения» для предотвращения вреда атмосфере[33]. Президент Бразилии Фернанду Колор в своем обращении к участникам «Саммита Земли» 1992 г. сформулировал стоящую перед ними задачу как разработку «новых международных институтов, новых паттернов отношений между государствами»[34].

---

[28] *World Meteorological Organization* (1988) Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security. Toronto, Canada, June 27–30. P. 292 Available at: https://digitallibrary.un.org/record/106359 (accessed 11 August 2024).

[29] Выступления премьер-министра Норвегии Г.Х. Брунтланн, министра окружающей среды Канады Т. Макмиллана. Ibid, pp. 16, 31, 293.

[30] Выступления Генерального секретаря ООН Б. Бутрос-Гали, президента Бразилии Ф. Коллора, генерального секретаря Саммита Рио М. Стронга, Г.Х. Брунтланн, президента Португалии М. Соареша. См.: *United Nations* (1993) Report of the United Nations Conference on Environment and Development A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. II). Volume II: Proceedings of the Conference. Rio de Janeiro, 3-14 June 1992. Pp. 32, 40, 44-49, 57, 60. Available at: https://undocs.org/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.II) (accessed 11 August 2024).

[31] Риторика «выживания» присутствовала в 27 из 104 выступлений сегмента высокого уровня: глав государств и правительств Португалии, Мальдивских островов, Намибии, КНР, Кубы, Марокко, Кабо-Верде, Мексики, Румынии, Ямайки, Кении, Лесото, Гвинеи-Бисау, Индонезии, Мавритании, Японии, Джибути, Республики Корея, Сенегала, Танзании, Франции, Сан-Томе-и-Принсипи, Ботсваны, Кипра, Папуа-Новой Гвинеи, Гватемалы, Гайаны. См. United Nations (1993) Report of the United Nations Conference on Environment and Development A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. III). *Volume III: Statements Made by Heads of State or Government at the Summit Segment of the Conference.* Rio de Janeiro, 3-14 June 1992. Available at: https://undocs.org/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.III) (accessed 11 August 2024).

[32] *World Commission on Environment and Development* (1987) Our Common Future (The Brundtland Report). New York, August 4. P. 37. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/139811 (accessed 11 August 2024).

[33] *World Meteorological Organization* (1988) Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security. Toronto, Canada, June 27–30. P. 304. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/106359 (accessed 11 August 2024).

[34] *United Nations* (1993) Report of the United Nations Conference on Environment and Development A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. II). Volume II: Proceedings of the Conference. Rio de Janeiro, 3-14 June 1992. P. 40. Available at: https://undocs.org/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.II) (accessed 11 August 2024).

Идея, что необходимые изменения подразумевают трансформацию понимания государственного суверенитета, также была достаточно широко распространена. В докладе «Наше общее будущее» указывалось, что новые экологические «вызовы пересекают разделительные линии, создаваемые принципом национального суверенитета»[35]. Отмечалась также необходимость расширить понятие безопасности за пределы его традиционного понимания «в терминах политических и военных угроз национальному суверенитету»[36]. Председатель Комиссии, Гру Харлем Брунтланн, в своем выступлении на конференции 1988 г. утверждала: «Мы больше не можем действовать в первую очередь как граждане отдельных национальных государств»[37]. Вместе с тем на саммите Рио 1992 г. дискурс приобрел заметно более «суверенный» характер: необходимость «ограничения национального суверенитета» упоминалась лишь в выступлениях премьер-министра Бельгии и президента Маршалловых островов[38]. Напротив, в выступлениях 14 глав государств и правительств (среди них – президента США и премьера Государственного совета КНР[39]) подчеркивалась ценность суверенитета и необходимость его уважения.

Интересно отметить, что даже в рамках реформистского дискурса речь шла преимущественно о международном «сотрудничестве», «координации», «переговорах», без каких-либо явных указаний на наднациональный характер искомой институциональной архитектуры. С этой точки зрения наиболее радикальной из предлагавшихся мер было сформулированное в итоговом заявлении Торонтской конференции 1988 г. предложение по созданию Всемирного фонда атмосферы, который бы частично финансировался за счет сборов на потребление ископаемого топлива в развитых странах[40]. Реализация этого предложения фактически означала бы частичную наднационализацию налогообложения (одной из фундаментальных прерогатив государства) в глобальном масштабе.

---

[35] *World Commission on Environment and Development* (1987) Our Common Future (The Brundtland Report). New York, August 4. P. 12. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/139811 (accessed 11 August 2024).

[36] Ibid. P. 34.

[37] *World Meteorological Organization* (1988) Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security. Toronto, Canada, June 27–30. P. 22. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/106359 (accessed 11 August 2024).

[38] *United Nations* (1993) Report of the United Nations Conference on Environment and Development A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. III). *Volume III: Statements Made by Heads of State or Government at the Summit Segment of the Conference.* Rio de Janeiro, June 3-14. Pp. 112, 211. Available at: https://undocs.org/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.III) (accessed 11 August 2024).

[39] А также представителей Аргентины, Йемена, Непала, Литвы, Ганы, Кении, Хорватии, Островов Кука, Эфиопии, ЦАР, Папуа-Новой Гвинеи, Гватемалы. См. *United Nations* (1993) Report of the United Nations Conference on Environment and Development A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. III). *Volume III: Statements Made by Heads of State or Government at the Summit Segment of the Conference.* Rio de Janeiro, 3-14 June 1992. Pp. 112, 211. Available at: https://undocs.org/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.III) (accessed 11 August 2024).

[40] *World Meteorological Organization* (1988) Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security. Toronto, Canada, June 27–30. P. 303. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/106359 (accessed 11 August 2024).

Никакого прогресса в этом направлении, однако, не наблюдалось; напротив, материалы Саммита Рио 1992 г. уже не содержат ни одного упоминания «Всемирного фонда атмосферы» или аналогичных структур. При этом, в отличие от риторики наднациональности, в докладе Комиссии Брунтланн присутствует демократический дискурс в виде призыва к «демократизации принятия решений на международном уровне»[41]. А в своем выступлении на Саммите 1992 г. председатель Комиссии вновь позиционировала в качестве институционального решения проблемы изменения климата «глобальную демократию, основанную на общем восприятии общих вызовов»[42].

Рассматриваемый дискурс вокруг проблемы изменения климата с самого начала был двойственным, демонстрируя черты как макросекьюритизации (что было показано выше), так и этернализации. Последняя достигалась за счет постоянного акцента на теме «развития» и «роста». Это проявляется и в основополагающей концепции «устойчивого развития». Характеристика «устойчивости», отсылающая к возможности неустойчивости и, следовательно, потенциальной конечности и угрожаемости, здесь лишь уточняет фундаментальное понятие «развития», которое, в свою очередь, подразумевает бесконечную темпоральность. Еще прозрачнее эта расстановка акцентов проговаривается в докладе Комиссии Брунтланн, где отмечается, что идея устойчивого развития подразумевает не «абсолютные границы, а ограничения, связанные с текущим уровнем технологического развития и социальной организации»[43]. Эта мысль повторяется и в выступлении канадского премьер-министра на конференции 1988 года: «Мы верим, что не существует пределов экономическому росту, кроме тех, что навязаны ему нашим воображением»[44].

Когда же дело дошло непосредственно до принятия решений на межгосударственном уровне, отмеченная двойственность разрешилась однозначным образом в пользу этернализации. С точки зрения темпоральности, принятые на «Саммите Земли» 1992 г. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию (т.н. «Декларация Рио») и Рамочная конвенция ООН об изменении климата не описывали изменение климата или иные экологические проблемы как экзистенциальные угрозы человечеству. Были использованы существенно более мягкие формулировки: «неблагоприятные

[41] *World Commission on Environment and Development* (1987) Our Common Future (The Brundtland Report). New York, August 4. P. 25. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/139811 (accessed 11 August 2024).

[42] *United Nations* (1993) Report of the United Nations Conference on Environment and Development A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. II). Volume II: Proceedings of the Conference. Rio de Janeiro, June 3-14. P. 58. Available at: https://undocs.org/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.II) (accessed 11 August 2024).

[43] *World Commission on Environment and Development* (1987) Our Common Future (The Brundtland Report). New York, August 4. P. 24. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/139811 (accessed 11 August 2024).

[44] *World Meteorological Organization* (1988) Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security. Toronto, Canada, June 27–30. P. 7. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/106359 (accessed 11 August 2024).

последствия» изменения климата[45], «ухудшение состояния глобальной окружающей среды»[46]. Напротив, документы закрепили «право на развитие»[47], имплицитно воспроизводя связанное с понятием развития бесконечное восприятие времени.

В плане же международной политической архитектуры данные документы не содержали никаких намеков на наднациональность, подчеркивая «суверенное право» государств на собственные ресурсы[48] и «принцип суверенитета государств в международном сотрудничестве в деле реагирования на изменение климата»[49]. Как известно, в 1992 г. в принципе не были согласованы какие-либо конкретные международные меры по сокращению выбросов, а общее направление, заданное конференцией в Рио – «суверенный» подход к экологическим проблемам с крайне незначительным делегированием полномочий «наверх» и минимумом жестких обязательств – продолжает характеризовать международную климатическую политику вплоть до настоящего момента.

Обсуждение и выводы

Оба рассмотренных кейса хорошо иллюстрируют два следствия, выведенные на основе анализа темпорального измерения макросекьюритизации. Во-первых, попытки макросекьюритизации ядерной и климатической угроз – то есть, их интерпретации как имеющих глобальный экзистенциальный характер – приводили к делегитимации жесткой приверженности национальному суверенитету и стимулировали различные предложения по трансформации межгосударственной системы. Во-вторых, логика системы суверенных государств подталкивала акторов к принятию неэкзистенциальных интерпретаций ядерной и климатической угроз, поскольку такие интерпретации порождали практически реализуемые предложения. Здесь особенно показательна статья Бернарда Броди, подробно проанализированная выше в разделе о ядерном оружии.

Важно именно последовательное соответствие: макросекьюритизация (конечная темпоральность) сочетается с делегитимацией суверенитета, а бесконечная темпоральность – с сохранением системы суверенных государств. В рассмотренных источниках практически не наблюдаются случаи, чтобы отстаивание принципа суверенитета сопровождалось признанием экзистенциального характера ядерной или климатической угроз. Советская

[45] Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата. Принята 9 мая 1992 года. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 11.08.2024).

[46] Принцип 7, Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 11.08.2024).

[47] См. принцип 3 Декларации Рио; ст. 3.4 Рамочной конвенции ООН об изменении климата.

[48] См. принцип 2 Декларации Рио; преамбулу Рамочной конвенции ООН об изменении климата.

[49] См. преамбулу Рамочной конвенции ООН об изменении климата.

апология суверенитета сопровождалась отчетливо неэкзистенциальной интерпретацией ядерной угрозы; в 11 из 14 выступлений[50] «на «Саммите Земли», в которых отстаивался принцип суверенитета, не было следов восприятия изменения климата как угрозы самому выживанию человечества.

Объяснить это наблюдение можно следующим образом: признание, что политика государства по защите своего суверенитета повышает риск глобальной катастрофы, создает мировоззренческое противоречие[51]. Это противоречие можно снять двумя способами: либо пытаясь отказаться от принципа суверенитета, либо через «этернализацию», устраняющую ожидание глобальной катастрофы. Первый способ, как было показано, сталкивался с проблемой коллективного действия в условиях взаимного недоверия и не достигал успеха. Как следствие, происходила «этернализация», которая, как минимум в краткосрочной перспективе, оказывалась более реалистичным сценарием.

Таким образом, объяснение причин неудач макросекьюритизации ядерного оружия и изменения климата оказывается двусоставным. С одной стороны, оно апеллирует к традиционному тезису о том, что анархическая система суверенных государств препятствует общим действиям по решению глобальных проблем, тогда как успешная макросекьюритизация, подразумевающая принятие чрезвычайных мер в международном масштабе, требует именно таких действий. С другой стороны – и в этом заключается ключевой вклад настоящей статьи – речь идет не просто о «внешних» ограничениях, но о том, что система суверенных государств как социальная структура в значительной степени обусловливает процессы познания, процессы интерпретации индивидами гипотетических глобальных угроз. В рамках государствоцентричной международной структуры государственные деятели будут склонны придерживаться не-экзистенциальных интерпретаций ядерного оружия и изменения климата. При этом неоднозначность материальной реальности, ее подверженность множественным истолкованиям обеспечивает принципиальную возможность таких интерпретаций.

В рамках конструктивистских подходов в теории международных отношений при анализе взаимосвязи идей и институтов акцент обычно делался на том, что институты укоренены в идеях и зависят от них[52], тогда как роль

[50] Тремя исключениями оказались выступления премьер-министра КНР, президента Гватемалы и генерал-губернатора Папуа-Новой Гвинеи. См.: *United Nations* (1993) Report of the United Nations Conference on Environment and Development A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. III). Volume III: Statements Made by Heads of State or Government at the Summit Segment of the Conference. Rio de Janeiro, 3-14 June 1992. Pp. 34-38, 247-249, 241-243. Available at: https://undocs.org/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.III) (accessed 11 August 2024).
Следует признать, что эти исключения несколько нарушают общую стройность предложенной концепции, однако, на наш взгляд, не дискредитируют ее. В случае Гватемалы и Папуа-Новой Гвинеи отсылки к «выживанию планеты», по сравнению со многими другими выступлениями, являются предельно краткими и выглядят ритуально.

[51] Поскольку это означало бы, что, защищая свой суверенитет, государство тем самым повышает риск своего уничтожения.

институциональной структуры в воспроизводстве идей оставалась без внимания. Показывая, как система суверенных государств содействует воспроизводству бесконечной темпоральности, данное исследование частично заполняет эту лакуну.

Открытым остается вопрос о том, обладает ли тезис о темпоральном измерении секьюритизации аналитическим потенциалом за пределами рассмотренного примера. С одной стороны, логическая взаимосвязь очевидна: дискурс секьюритизации – это дискурс о существовании объектов во времени, то есть, темпоральный дискурс. С другой стороны, как отмечалось ранее, большинство релевантных для исследований секьюритизации объектов воспринимаются людьми как потенциально конечные. Вместе с тем есть класс объектов, которые являются безусловно конечными (по крайней мере, в их земной форме) – сами люди, индивиды. С логической точки зрения такие референтные объекты должны быть столь же непригодны для секьюритизации, как и объекты безусловно бесконечные. Следовательно, анализ темпорального измерения может оказаться полезным в исследованиях секьюритизаций «ниже среднего уровня», в частности, в анализе концепции «человеческой безопасности» (англ. *"human security"*) как примера секьюритизации.

Список литературы

1. Арбатов А.Г. (2023) Ядерные метаморфозы. *Полис. Политические исследования* 5: 7-28. DOI: 10.17976/jpps/2023.05.02.
2. Дуглас М. (2020) *Как мыслят институты.* М.: Элементарные формы. 250 с.
3. Макаров И. А., Шуранова А.А. (2023) Климатические изменения как новый фактор международных отношений. *Международная аналитика* 14(4): 52-74. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-4-52-74.
4. Михайленко Е. (2022) От политики убеждения к дипломатии: уроки Международной кампании по запрещению ядерного оружия. *Международные процессы* 20(1): 55-79. DOI 10.17994/IT.2022.20.1.68.5.
5. Тимербаев Р.М. (2003) *Международный контроль над атомной энергией.* М.: Изд-во «Права человека». 367 с.
6. Торопчин Г. В. (2021) Северокорейская ракетно-ядерная программа с точки зрения теории секьюритизации. *Ойкумена. Регионоведческие исследования* 2: 117-129. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-2/117-129.
7. Учаев Е.И., Квартальнов А.А. (2022) Темпоральный подход к проблеме устойчивости ядерной анархии. *Вестник МГИМО-Университета* 15(6): 112-134. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-olf3.
8. Хабермас Ю. (2008) *Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций.* М.: Издательство «Весь Мир». 416 с.

[52] Показательные примеры см. в Reus-Smit, 1999; Allan, 2018.

9. Adler E. (1992) The Emergence of Cooperation: National Epistemic Communities and the International Evolution of the Idea of Nuclear Arms Control. *International Organization* 46(1): 101-145. DOI:10.1017/S0020818300001466.
10. Allan B.B. (2017) Second Only to Nuclear War: Science and the Making of Existential Threat in Global Climate Governance. *International Studies Quarterly* 61(4): 809-820. DOI: 10.1093/isq/sqx048.
11. Allan B.B. (2018) *Scientific Cosmology and International Orders.* Cambridge: Cambridge University Press. 346 p. DOI: 10.1017/9781108241540.
12. Arias S.B. (2022) Who Securitizes? Climate Change Discourse in the United Nations. *International Studies Quarterly* 66(2): sqac020. DOI: 10.1093/isq/sqac020.
13. Baele S.J., Jalea D. (2023) Twenty-five Years of Securitization Theory: A Corpus-based Review. *Political Studies Review* 21(2): 376-389. DOI: 10.1177/14789299211069499.
14. Balzacq T., Léonard S., Ruzicka J. (2016) 'Securitization' revisited: theory and cases. *International Relations* 30(4): 494-531. DOI: 10.1177/0047117815596590.
15. Baratta J.P. (1985) Was the Baruch Plan a Proposal of World Government? *The International History Review* 7(4): 592-621. DOI: 10.1080/07075332.1985.9640394.
16. Brodie B. (1948) The Atom Bomb as Policy Maker. *Foreign Affairs* 27(1): 17-33. DOI: 10.2307/20030159.
17. Bundy M. (1990) *Danger and Survival: Choices About the Bomb in the First Fifty Years.* New York: Vintage Books. 736 p.
18. Burke A. (2016) Nuclear Time: Temporal Metaphors of the Nuclear Present. *Critical Studies on Security* 4(1): 73-90. DOI: 10.1080/21624887.2016.1162394.
19. Buzan B., Waever O. (2009) Macrosecuritisation and Security Constellations: Reconsidering Scale in Securitisation Theory. *Review of International Studies* 35(2): 253-276. DOI:10.1017/S0260210509008511.
20. Buzan B., Waever O., de Wilde J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis.* Boulder, CO: Lynne Rienner. 240 p.
21. Corry O. (2012) Securitisation and 'Riskification': Second-order Security and the Politics of Climate Change. *Millennium: Journal of International Studies* 40(2): 235-258. DOI: 10.1177/0305829811419444.
22. Dupont C. (2019) The EU's collective securitisation of climate change. *West European Politics* 42(2): 369–390. DOI: 10.1080/01402382.2018.1510199.
23. Einstein A. (1946) The Way Out. In: Masters D., Way K. (eds.) *One World or None.* New York: McGraw-Hill Book Company, Inc, pp. 76-77.
24. Federation of American (Atomic) Scientists (1946) Survival is At Stake. In: Masters D., Way K. (eds.) *One World or None.* New York: McGraw-Hill Book Company, Inc, pp. 78-79.
25. Hanau Santini R. (2010) European Union discourses and practices on the Iranian nuclear programme. *European Security* 19(3): 467–489. DOI: 10.1080/09662839.2010.531704.
26. Hanusch F., Meisch S. (2022) The Temporal Cleavage: The Case of Populist Retrotopia vs. Climate Emergency. *Environmental Politics* 31(5): 883-903. DOI: 10.1080/09644016.2022.2044691.
27. Hardin G. (1972) *Exploring New Ethics for Survival: The Voyage of the Spaceship Beagle.* New York: The Viking Press, Inc. 273 p.
28. Hayes J. (2009) Identity and Securitization in the Democratic Peace: The United States and the Divergence of Response to India and Iran's Nuclear Programs. *International Studies Quarterly* 53(4): 977–999. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2009.00565.x.
29. Latour B. (2017) *Facing Gaia: Eight Lectures on the New Climatic Regime.* Cambridge: Polity Press. 300 p.
30. Matthews H.D., Wynes S. (2022) Current Global Efforts Are Insufficient to Limit Warming to 1.5°C. *Science* 376(6600): 1404-1409. DOI:10.1126/science.abo3378.
31. McDonald M. (2012) The Failed Securitization of Climate Change in Australia. *Australian Journal of Political Science* 47(4): 579–592. DOI: 10.1080/10361146.2012.731487.
32. Neal A.W. (2009) Securitization and Risk at the EU Border: The Origins of FRONTEX. *JCMS: Journal of Common Market Studies* 47(2): 333-356. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2009.00807.x.

33. Pelopidas B. (2021) The Birth of Nuclear Eternity. In: Kemp S., Andersson J. (eds.) *Futures.* Oxford: Oxford University Press, pp. 484-500. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198806820.013.28.
34. Reus-Smit C. (1999) *The Moral Purpose of the State: Culture, Social Identity, and Institutional Rationality in International Relations.* Princeton: Princeton University Press. 208 p.
35. Ruzicka J. (2019) Failed Securitization: Why It Matters. *Polity* 51(2): 365-377. DOI: 10.1086/702213.
36. Sakamoto T. (2023) Threat Conceptions in Global Security Discourse: Analyzing the Speech Records of the United Nations Security Council, 1990–2019. *International Studies Quarterly* 67(3): sqad067. DOI: 10.1093/isq/sqad067.
37. Scott S.V. (2008) Securitizing climate change: international legal implications and obstacles. *Cambridge Review of International Affairs* 21(4): 603–619. DOI: 10.1080/09557570802452946.
38. Trombetta M. J. (2008) Environmental security and climate change: analysing the discourse. *Cambridge Review of International Affairs* 21(4): 585–602. DOI: 10.1080/09557570802452920.
39. Trombetta M.J. (2023) Climate change and the transformation of security: securitization and beyond. In: Trombetta M.J. (ed.) *Handbook on Climate Change and International Security.* Cheltenham: Edward Elgar, pp. 77–95. DOI: 10.4337/9781789906448.00012.
40. Urey H.C. (1946) How does it all add up? In: Masters D., Way K. (eds.) *One World or None.* New York: McGraw-Hill Book Company, Inc, pp. 53-60.
41. Vogler A. (2023) Tracking Climate Securitization: Framings of Climate Security by Civil and Defense Ministries. *International Studies Review* 25(2): viad010. DOI: 10.1093/isr/viad010.
42. Wendt A. (1995) Constructing International Politics. *International Security* 20(1): 71-81. DOI: 10.2307/2539217.

Comparative Politics. Volume 15. No. 3. July–September / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-3-15-7

OBSTACLES TO MACROSECURITIZATION OF GLOBAL THREATS: CASES OF NUCLEAR WEAPONS AND CLIMATE CHANGE

Yevgeny I. UCHAEV – Lecturer, PhD student, World Politics Department, MGIMO University.
ORCID: 0000-0002-4359-4203. E-mail: eugeneuchaev@gmail.com
76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Artem A. KVARTALNOV – MA in International Relations, Member of the research team, research project "Temporality of international relations in the context of global threats of nuclear war and climate change", MGIMO University.
ORCID: 0000-0002-5120-1641. E-mail: artem@kvartalnov.ru
76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Acknowledgements. This research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project №22-28-01054 (https://www.rscf.ru/en/project/22-28-01054/).

Received October 7, 2023 Accepted December 12, 2023

Abstract: Despite the multitude of attempts to macrosecuritize nuclear weapons and climate change, none of them has succeeded so far. Existing studies struggle to convincingly explain these failures, which can be attributed both to the general neglect of unsuccessful cases of securitization and to the disparate, ad hoc nature of suggested explanations. Meanwhile, it has been little noticed that, as the discourse of existential threat implies judgements about the potential finitude of objects in time, there is a close link between securitization and temporality. By defining humanity's time as potentially finite, the attempts to macrosecuritize nuclear weapons and climate change clash with the dominant indefinite temporality of modernity, as well as with the system of sovereign states that depends on indefinite temporality as its ideational condition of possibility. Consequently, macrosecuritizing moves, on the one hand, end up attempting to de-legitimize and transform the system of sovereign states. On the other hand, the social structure of this system nudges the actors to 'eternalize' nuclear weapons and climate change, that is, to interpret them as compatible with humanity's indefinite existence in the world. We demonstrate the workings of these ideational mechanisms during the discussions on international control of atomic energy in the 1940s and during the debates on international climate cooperation in 1987-1992. The cases show how, operating within a state-centric international political structure, policy makers are indeed inclined to 'eternalize' global existential threats.

Keywords: macrosecuritization, global threats, climate change, nuclear weapons, temporality, eternalization, system of sovereign states

References:

1. Adler E. (1992) The Emergence of Cooperation: National Epistemic Communities and the International Evolution of the Idea of Nuclear Arms Control. *International Organization* 46(1): 101-145. DOI: 10.1017/S0020818300001466.
2. Allan B.B. (2017) Second Only to Nuclear War: Science and the Making of Existential Threat in Global Climate Governance. *International Studies Quarterly* 61(4): 809-820. DOI: 10.1093/isq/sqx048.
3. Allan B.B. (2018) *Scientific Cosmology and International Orders.* Cambridge: Cambridge University Press. 346 p. DOI: 10.1017/9781108241540.
4. Arbatov A.G. (2023) Yadernyye metamorfozy [Nuclear metamorphoses]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya [Polis. Political Studies]* 5: 7-28. DOI: 10.17976/jpps/2023.05.02. (In Russian).
5. Arias S.B. (2022) Who Securitizes? Climate Change Discourse in the United Nations. *International Studies Quarterly* 66(2): sqac020. DOI: 10.1093/isq/sqac020.
6. Baele S.J., Jalea D. (2023) Twenty-five Years of Securitization Theory: A Corpus-based Review. *Political Studies Review* 21(2): 376-389. DOI: 10.1177/14789299211069499.
7. Balzacq T., Léonard S., Ruzicka J. (2016) 'Securitization' revisited: theory and cases. *International Relations* 30(4): 494-531. DOI: 10.1177/0047117815596590.
8. Baratta J.P. (1985) Was the Baruch Plan a Proposal of World Government? *The International History Review* 7(4): 592-621. DOI: 10.1080/07075332.1985.9640394.
9. Brodie B. (1948) The Atom Bomb as Policy Maker. *Foreign Affairs* 27(1): 17-33. DOI: 10.2307/20030159.
10. Bundy M. (1990) *Danger and Survival: Choices About the Bomb in the First Fifty Years.* New York: Vintage Books. 736 p.
11. Burke A. (2016) Nuclear Time: Temporal Metaphors of the Nuclear Present. *Critical Studies on Security* 4(1): 73-90. DOI: 10.1080/21624887.2016.1162394.
12. Buzan B., Waever O. (2009) Macrosecuritisation and Security Constellations: Reconsidering Scale in Securitisation Theory. *Review of International Studies* 35(2): 253-276. DOI:10.1017/S0260210509008511.
13. Buzan B., Waever O., de Wilde J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis.* Boulder, CO: Lynne Rienner. 240 p.

14. Corry O. (2012) Securitisation and 'Riskification': Second-order Security and the Politics of Climate Change. *Millennium: Journal of International Studies* 40(2): 235-258. DOI: 10.1177/0305829811419444.
15. Douglas M. (2020) *Kak mysliat instituty [How Institutions Think].* Moscow: Elementarnye formy. 250 p. (In Russian).
16. Dupont C. (2019) The EU's collective securitisation of climate change. *West European Politics* 42(2): 369–390. DOI: 10.1080/01402382.2018.1510199.
17. Einstein A. (1946) The Way Out. In: Masters D., Way K. (eds.) *One World or None.* New York: McGraw-Hill Book Company, Inc, pp. 76-77.
18. Federation of American (Atomic) Scientists (1946) Survival is At Stake. In: Masters D., Way K. (eds.) *One World or None.* New York: McGraw-Hill Book Company, Inc, pp. 78-79.
19. Habermas J. (2008) *Filosofskii diskurs o moderne. Dvenadtsat' lektsii [The Philosophical Discourse of Modernity. Twelve Lectures].* Moscow: Ves' Mir. 416 p. (In Russian).
20. Hanau Santini R. (2010) European Union discourses and practices on the Iranian nuclear programme. *European Security* 19(3): 467–489. DOI: 10.1080/09662839.2010.531704.
21. Hanusch F., Meisch S. (2022) The Temporal Cleavage: The Case of Populist Retrotopia vs. Climate Emergency. *Environmental Politics* 31(5): 883-903. DOI: 10.1080/09644016.2022.2044691.
22. Hardin G. (1972) *Exploring New Ethics for Survival: The Voyage of the Spaceship Beagle.* New York: The Viking Press, Inc. 273 p.
23. Hayes J. (2009) Identity and Securitization in the Democratic Peace: The United States and the Divergence of Response to India and Iran's Nuclear Programs. *International Studies Quarterly* 53(4): 977–999. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2009.00565.x.
24. Latour B. (2017) *Facing Gaia: Eight Lectures on the New Climatic Regime.* Cambridge: Polity Press. 300 p.
25. Makarov I.A., Shuranova A.A. (2023) Klimaticheskiye izmeneniya kak novyy faktor mezh- dunarodnykh otnosheniy [Climate Change as a New Factor of International Relations]. *Mezhdunarodnaia Analitika [Journal of International Analytics]* 14(4): 52-74. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-4-52-74. (In Russian).
26. Matthews H.D., Wynes S. (2022) Current Global Efforts Are Insufficient to Limit Warming to 1.5°C. *Science* 376(6600): 1404-1409. DOI:10.1126/science.abo3378.
27. McDonald M. (2012) The Failed Securitization of Climate Change in Australia. *Australian Journal of Political Science* 47(4): 579–592. DOI: 10.1080/10361146.2012.731487.
28. Mikhaylenko E. (2022) Ot politiki ubezhdeniya k diplomatii: uroki Mezhdunarodnoy kampanii po zapreshcheniyu yadernogo oruzhiya [From advocacy to diplomacy: The case of the international campaign to abolish nuclear weapons]. *Mezhdunarodnye protsessy [International Trends]* 20(1): 55-79.
DOI 10.17994/IT.2022.20.1.68.5. (In Russian).
29. Neal A.W. (2009) Securitization and Risk at the EU Border: The Origins of FRONTEX. *JCMS: Journal of Common Market Studies* 47(2): 333-356. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2009.00807.x.
30. Pelopidas B. (2021) The Birth of Nuclear Eternity. In: Kemp S., Andersson J. (eds.) *Futures.* Oxford: Oxford University Press, pp. 484-500. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198806820.013.28.
31. Reus-Smit C. (1999) *The Moral Purpose of the State: Culture, Social Identity, and Institutional Rationality in International Relations.* Princeton: Princeton University Press. 208 p.
32. Ruzicka J. (2019) Failed Securitization: Why It Matters. *Polity* 51(2): 365-377. DOI: 10.1086/702213.
33. Sakamoto T. (2023) Threat Conceptions in Global Security Discourse: Analyzing the Speech Records of the United Nations Security Council, 1990–2019. *International Studies Quarterly* 67(3): sqad067. DOI: 10.1093/isq/sqad067.

34. Toropchin G. V. (2021) Severokoreyskaya raketno-yadernaya programma s tochki zreniya teorii sek'yuritizatsii [North Korean Missile and Nuclear Programme from the Securitisation Theory Standpoint]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia [Ojkumena. Regional researches]* 2: 117-129. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-2/117-129. (In Russian).35.
Timerbaev R.M. (2003) *Mezhdunarodnyi kontrol' nad atomnoi energiei [International Control of Atomic Energy].* Moscow: Izd-vo "Prava cheloveka". 367 p. (In Russian).
36. Toropchin G. V. (2021) North Korean Missile and Nuclear Programme from the Securitisation Theory Standpoint. *Ojkumena. Regional researches [Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia]* 2: 117-129. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-2/117-129. (In Russian).
37. Trombetta M. J. (2008) Environmental security and climate change: analysing the discourse. *Cambridge Review of International Affairs* 21(4): 585–602. DOI: 10.1080/09557570802452920.
38. Trombetta M.J. (2023) Climate change and the transformation of security: securitization and beyond. In: Trombetta M.J. (ed.) *Handbook on Climate Change and International Security.* Cheltenham: Edward Elgar, pp. 77–95. DOI: 10.4337/9781789906448.00012.
39. Uchaev Ye.I., Kvartalnov A.A. (2022) Temporal'nyy podkhod k probleme ustoychivosti yadernoy anarkhii [Is Nuclear Anarchy Sustainable? A Temporal Approach]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]* 15(6): 112-134. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-olf3. (In Russian).
40. Urey H.C. (1946) How does it all add up? In: Masters D., Way K. (eds.) *One World or None.* New York: McGraw-Hill Book Company, Inc, pp. 53-60.
41. Vogler A. (2023) Tracking Climate Securitization: Framings of Climate Security by Civil and Defense Ministries. *International Studies Review* 25(2): viad010. DOI: 10.1093/isr/viad010.
42. Wendt A. (1995) Constructing International Politics. *International Security* 20(1): 71-81. DOI: 10.2307/2539217.